

УДК 343.1

## КРИТЕРИИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОСНОВНЫХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВ Criteria of Differentiation of Basic Criminal Proceedings

**И. С. Смирнова** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Омской юридической академии, кандидат юридических наук

**I. S. Smirnova** – Associate-professor of the Criminal Procedure and Criminalistics Department of the Omsk Law Academy, Candidate of Law Sciences



**Аннотация.** Статья посвящена определению материальных и процессуальных критериев дифференциации формы основных уголовно-процессуальных производств. Выявлена и обоснована необходимость признания исключительных производств по сложным (многопредметным) уголовным делам. Автор предлагает за критерий разделения основных производств принять количество центральных вопросов, решаемых в каждом уголовном деле, и подразделять рассматриваемые производства на производства по простому (простая форма) и сложному уголовному делу (сложная форма).

*The article specifies the material and procedural criteria which differentiate the forms of the basic criminal proceedings. The necessity to recognize exceptional proceedings for complicated (multi subject) criminal cases has been revealed and explained. The author offers to take a number of central issues to be addressed in every criminal case as a criterion for the separation of basic proceedings, and to divide the considered proceedings on proceedings on simple (simple form) and complicated criminal case (complicated form).*

**Ключевые слова:** уголовно-процессуальные производства, дифференциация процессуальной формы, сложные уголовные дела.

*Criminal proceedings, differentiation of the procedural form, complicated criminal cases.*

Оптимизация формы судопроизводства напрямую соединена с возможностью ее дифференциации на основании существования особен-

ностей в порядке деятельности по уголовным делам. Данной проблеме в теории уголовного процесса традиционно уделялось большое вни-

мание [4, с. 1–32; 5, с. 71–76; 6, с. 1–54; 8; 9; 10, с. 4; 14, с. 174–189].

Характерной чертой уголовно-процессуальной формы, как обоснованно утверждается в юридической литературе, является ее единство [10, с. 24–28; 7, с. 33, 36; 15, с. 79; 21, с. 12, 20–39], которое тем не менее не означает использования одних и тех же приемов по всем без исключения уголовным делам (одно- или многопредметным), т. е. вне зависимости от их категорий. К тому же Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) не настаивает на единстве и обязательности порядка производства по всем уголовным делам, но и не подразумевает анархии в уголовном процессе. О единстве процессуальной формы речь идет лишь постольку, поскольку отечественное уголовное судопроизводство основано на единых принципах (гл. 2 УПК РФ) и имеет единое назначение (ст. 6 УПК РФ) [3, с. 124–125; 6, с. 12, 24–26; 7, с. 24; 10, с. 26].

Дифференциация уголовного судопроизводства, прежде всего, есть не что иное, как наличие в его составе разных производств, отличающихся по ряду критериев и приспособленных для дел разных категорий. В литературе выделяют следующие производства:

– основные (нацеленные на решение вопроса о наличии или отсутствии уголовно-правового отношения, т. е. деятельность по расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел);

– дополнительные (направленные на изменение или досрочное прекращение установленного и закрепленного приговором суда уголовно-правового отношения);

– особые производства (в их основе лежат отношения, не имеющие уголовно-правового характера, но в силу особых причин урегулированные нормами уголовно-процессуального права и осуществляемые в уголовно-процессуальной форме. К особым производствам относятся, например, производства по жалобам участников процесса на действия, бездействие и решения должностных лиц; по проверке судом законности следственного действия, произведенного без судебного разрешения; по решению вопроса о заключении под стражу, домашнем аресте, залоге и т. п.) [10, с. 19–20, 88; 19, с. 9; 18, с. 8].

Поскольку уголовно-правовые отношения возникают в результате совершения преступления и могут быть реализованы (установлены)

только посредством уголовно-процессуальной деятельности, постольку основные производства направлены на решение одного или нескольких основных вопросов каждого уголовного дела – об уголовной ответственности лица (группы лиц), обвиняемого (обвиняемых) в совершении одного или более преступлений, и приспособлены для деятельности как по простым (однопредметным), так и по сложным (многопредметным) уголовным делам, в которых соединены два или более основных вопроса.

Отдельные ученые-процессуалисты полагают, что существует необходимость создания особых производств по делам об организованных группах и преступных сообществах (эти дела, соответственно, относятся к категории сложных) [7, с. 57; 17, с. 6, 17]. С такими предложениями трудно согласиться. Производство по сложному уголовному делу не может быть отнесено к особым производствам, поскольку предмет процессуальной деятельности по делу рассматриваемой категории с учетом особенностей совпадает с типичным предметом доказывания в уголовном процессе (ст. 73 УПК РФ), является его неотъемлемой частью, а расследование и рассмотрение сложного дела осуществляется в связи и по поводу совершенных преступлений (как и общественно опасных деяний невменяемого) и имеет цели, означенные в ст. 6 УПК РФ. Данное обстоятельство служит серьезным препятствием для выделения уголовно-процессуальной деятельности по делам названной категории в качестве особого производства.

Вне сомнения, существующая процессуальная форма должна быть дифференцирована, модернизирована в сторону создания специальных процедур, обеспечивающих успешное решение задач, стоящих перед органами расследования, прокуратурой и судом, и способствующих дальнейшему развитию гарантий прав, свобод и законных интересов участников судопроизводства. Представляется, что речь возможно вести лишь о некоторых изменениях и дополнениях отдельных элементов существующего порядка расследования, судебного рассмотрения и разрешения дел, не затрагивающих его основ, но учитывающих особенные, исключительные (читай: сложные) условия деятельности, т. е. на уровне стадий процесса и на уровне процессуальных действий. Указанные процедуры могут иметь особенности, но при этом не относиться к особым производствам.

В литературе отмечается, что дифференциация уголовно-процессуальной формы основных производств обусловлена совокупностью объективных уголовно-правовых (материальных) и уголовно-процессуальных оснований. К первой группе оснований относят: степень общественной опасности преступления [1, с. 63–64; 4, с. 21; 13, с. 34–37; 19, с. 36–46; 20, с. 66–67; 21, с. 103–104] и обвиняемого [16, с. 241–242]; вид совершенного преступления [2, с. 41–43]; вид и меру наказания, которое может быть применено к осужденному [4, с. 21; 16, с. 241–242; 21, с. 103–104]; общественное и общественно-политическое значение дел и значение, которое имеет преступление для интересов обвиняемого или потерпевшего [4, с. 21; 19, с. 36–46; 21, с. 103–104]. Ко второй группе – уголовно-процессуальным основаниям дифференциации производств – причисляют: степень сложности познания фактических обстоятельств дела [13, с. 34–37; 16, с. 241–242; 19, с. 36–46]; наличие у обвиняемого или потерпевшего особых качеств [2, с. 43; 4, с. 21; 19, с. 36–46]. Отдельные авторы в этой группе факторов, влияющих на различия в производствах, называют сложность расследования уголовных дел [1, с. 63–64; 12, с. 141, 142–145; 20, с. 66–67], степень сложности дел в разрешении как их фактической, так и правовой стороны [21, с. 103–104], совершение преступления организованной преступной группой [13, с. 34–37] и др. При этом не исключается возможность «появления в будущем новых критериев, на основе которых будут сконструированы новые процессуальные формы» [4, с. 21].

Имеется мнение, что степень сложности расследования и разрешения уголовного дела не может быть основанием для дифференциации, «поскольку не представляется возможным нормативно выделить категории дел, сложных для расследования». Сложность считают достаточно субъективной категорией, оценка которой во многом зависит от личных качеств следователя или судьи (опыт, квалифицированность, психологические характеристики личности и пр.) [4, с. 21; 11, с. 42, 43, 57, 58]. Трактовка понятия «сложность» как субъективной категории приводит к его отождествлению с понятием «трудность». Думается, что в приведенных воззрениях ученых речь ведется именно о трудностях познания фактических обстоятельств преступления, а не о многопредметности (сложности) досудебной или судебной деятельности по уголовному

делу. Поэтому в действительности законодательно невозможно определить уголовные дела, вызывающие большие или меньшие трудности при производстве. Вот почему решение этой дилеммы отдано на откуп правоприменителям (например, применение норм о продлении сроков предварительного расследования или о создании следственных групп и т. п.).

Суммируя рассуждения ученых, в качестве критериев дифференциации основных производств (иначе оснований), предопределяющих необходимость признания отдельных (но не особых!) производств по категориям уголовных дел, назовем материально-правовые и процессуальные.

Материально-правовыми критериями выступают: 1) степень общественной опасности преступления или совокупности преступлений; 2) степень общественной опасности обвиняемого или группы обвиняемых.

Процессуальными критериями дифференциации формы основного производства являются: 1) трудоемкость познавательной деятельности по установлению фактов и обстоятельств, входящих в предмет доказывания, т. е. объективные трудности, возникающие в процессе возбуждения, расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел, связанные с неразвитостью процедуры осуществления процессуальной деятельности по многопредметным (многоэпизодным и (или) многосубъектным) делам; 2) степень общественной значимости уголовных дел различных категорий по причине взаимосвязи преступлений; 3) особые интересы обвиняемых, потерпевших; 4) наличие особых свойств у лица (лиц), в отношении которого ведется судопроизводство, или у лица (лиц), пострадавшего от преступления.

В связи со сказанным в рамках основных производств по степени сложности уголовно-процессуальной формы (а фактически по степени гарантированности прав участников уголовного судопроизводства) выделяются следующие подвиды производств: обычные (в рамках которых ведется расследование и рассмотрение уголовных дел по общему правилу); упрощенные (например, по делам частного обвинения); с более сложной процессуальной формой, т. е. с большим числом гарантий субъективных прав (производства по делам несовершеннолетних, а также по делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей) [10, с. 15–16].

Представляется, что какие-либо четкие границы между обычными, упрощенными и усложненными производствами отсутствуют. Так, по общему правилу по делам частного обвинения отсутствует стадия предварительного расследования с присущим ей этапом привлечения в качестве обвиняемого, уголовное преследование возбуждается непосредственно потерпевшим. Однако в случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ, производство предварительного следствия или дознания неизбежно, и тогда упрощенное производство трансформируется в обычное.

Судебное разбирательство по уголовным делам (сложным или простым), расследованным в обычном порядке, в дальнейшем может быть осуществлено в особом порядке (главы 40 и 40.1 УПК РФ), т. е. в упрощенной форме, или по более усложненной схеме (глава 42 УПК РФ). Производство с более развитой процессуальной формой, установленное для уголовных дел, рассматриваемых судом с участием присяжных заседателей, может быть не востребовано по причине отказа обвиняемого (обвиняемых) от данного порядка. В этой ситуации рассмотрение уголовного дела будет производиться в обычной форме.

Таким образом, предложенная в литературе классификация основных производств в зависимости от степени сложности уголовно-процессуальной формы в условиях действующего отечественного законодательства объективно предполагает «переход» уголовных дел из одного производства в другое. При этом производство по сложному (многопредметному) уголовному делу, относясь к обычным производствам, может принять упрощенную (главы 40 и 40.1 УПК РФ) или усложненную форму (главы 42, 50, 52 УПК РФ).

По причине наличия обозначившейся подвижной процедурной связи между обычными, упрощенными и усложненными основными производствами жесткие «пограничные столбы» между различными процессуальными порядками как по простым (однопредметным), так и по сложным (многопредметным) делам расставить не представляется возможным. Поэтому нельзя безоговорочно отнести производство по сложному уголовному делу, например, к обычному или усложненному производству.

В этой связи полагаем возможным среди подвидов основных уголовно-процессуальных

производств назвать исключительные (специальные) производства и причислить к ним производство по сложному уголовному делу как сочетающее в себе черты обычного, усложненного и упрощенного порядка и обладающее своими особенными чертами. Именно в таком контексте, на наш взгляд, следует воспринимать мнение процессуалистов, пришедших к выводу о тенденции углубления дифференциации уголовно-процессуальной формы в зависимости от вида совершенного преступления (формирования специального процедурного режима для налоговых преступлений) [2, с. 41–43], а также высказывавшихся за создание особых (правильнее сказать, исключительных) производств по делам об организованных группах и преступных сообществах [7, с. 57; 17, с. 6, 17].

Кроме того, представляется, что параллельно с рассмотренной классификацией основных производств имеет право на существование классификация, где за критерий разделения производств необходимо принять количество центральных вопросов, решаемых в каждом уголовном деле. В этой связи уголовно-процессуальные производства по признаку многопредметности, сложности (сложности нескольких производств в одном) следует подразделять на производства по простому (простая форма) и сложному (многопредметному) уголовному делу (сложная форма). Обычные, упрощенные и усложненные производства объективно могут менять свою форму в зависимости от судебно-следственной ситуации относительно конкретного уголовного дела и укладываться в схему «простая форма – сложная форма». В зависимости от многопредметности (сложности) уголовного дела разным может быть инструментарий, т. е. наполнение производства в той или иной стадии уголовного процесса, а не количество этапов деятельности.

Обобщая сказанное, отметим, что материально-правовые основания (критерии) построения специальной процессуальной формы для сложного дела характеризуются повышенной степенью общественной опасности множественности преступлений, совершенных преступником-одиночкой или группой лиц, преступлений, повлекших множество жертв, и личностей обвиняемых, действующих согласованно на достижение единого преступного результата. Процессуальные основания специального процедурного режима по сложным

уголовным делам обусловлены объективными трудностями установления входящих в предмет доказывания обстоятельств многоэпизодных и (или) групповых преступлений с многочисленными потерпевшими. Названные трудности возникают в процессе возбуждения, расследования и судебного рассмотрения этой категории дел и связаны с несовершенством действующей процедуры осуществления процессуальной деятельности. Кроме того, к ним относится степень общественной значимости таких дел по причине взаимосвязи преступлений.

**Библиографический список**

1. Арсеньев, В. Д. Упрощение не равнозначно упрощенчеству / В. Д. Арсеньев // Соц. законность. – 1975. – № 3. – С. 63–64.
2. Аширбекова, М. Т. О новом «налоговом» поводе к возбуждению уголовного дела / М. Т. Аширбекова, А. С. Омарова // Рос. юстиция. – 2012. – № 3. – С. 41–43.
3. Баранов, А. М. Обеспечение законности в досудебном производстве по уголовным делам / А. М. Баранов : моногр. – Омск : Ом. акад. МВД России, 2006. – 220 с.
4. Великий, Д. П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: история, современность, перспективы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Д. П. Великий. – М., 2001. – 32 с.
5. Гаврилов, Б. Я. Разграничение компетенции между следствием и дознанием: коллизии закона и ведомственная разобщенность / Б. Я. Гаврилов // Уголов. право. – 2006. – № 1. – С. 71–76.
6. Зуев, С. В. Теоретические и прикладные проблемы совершенствования уголовного преследования по делам о преступлениях, совершаемых организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / С. В. Зуев. – М., 2010. – 54 с.
7. Канафин, Д. К. Проблемы процессуальной формы судопроизводства по делам об организованной преступности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Д. К. Канафин. – М., 1997. – 180 с.
8. Козьявин, А. А. Дифференциация уголовно-процессуальной формы как аксиологическое явление в современной социальной политике [Электронный ресурс] / А. А. Козьявин, Е. С. Цуканова // Рос. право в Интернете. – 2010. – № 4. – Спецвыпуск. – Режим доступа: [http://rpi.msai.ru/prints/201004\\_42Kozyavin.html](http://rpi.msai.ru/prints/201004_42Kozyavin.html) (дата обращения: 19.09.2012).
9. Кувалдина, Ю. В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России [Электронный ресурс] : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ю. В. Кувалдина. – Самара, 2011. – Режим доступа: [http://kalinovsky-k.narod.ru/b/kuvaldina\\_2011/1-2.html](http://kalinovsky-k.narod.ru/b/kuvaldina_2011/1-2.html) (дата обращения: 17.09.2012).
10. Ленский, А. В. Дифференциация уголовного процесса / А. В. Ленский, Т. В. Трубникова, Ю. К. Якимович ; под общ. ред. М. К. Свиридова. – М. : Эконом. развитие, 2000. – 312 с.
11. Лупинская, П. А. Решения в уголовном судопроизводстве (их виды, содержание, форма) / П. А. Лупинская. – М. : Инфра-М : Норма, 2010. – 238 с.
12. Маршев, С. А. О дифференциации форм уголовного судопроизводства / С. А. Маршев // Развитие и совершенствование уголов.-процес. формы. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. – С. 141–147.
13. Масленков, С. Л. Обстоятельства, обуславливающие дифференциацию современного уголовного судопроизводства / С. Л. Масленков // Следователь. – 2004. – № 7. – С. 34–37.
14. Петраков, С. В. Уголовно-процессуальные средства обеспечения экономической безопасности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С. В. Петраков. – Н. Новгород, 2007. – 230 с.
15. Протасов, В. Н. Юридическая процедура : моногр. / В. Н. Протасов. – М., 1991. – 80 с.
16. Свиридов, М. К. О сущности и основаниях дифференциации уголовного процесса / М. К. Свиридов // Акт. вопр. гос-ва и права в период совершенствования социалист. о-ва. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1987. – С. 241–242.
17. Шафиков, Ю. С. Реализация взаимосвязей «жертва – организованная преступная группа» в деятельности следственных и оперативных работников : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ю. С. Шафиков. – СПб., 1999. – 18 с.
18. Якимович, Ю. К. Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России / Ю. К. Якимович. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1994. – 104 с.
19. Якимович, Ю. К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства / Ю. К. Якимович ; под ред. И. Е. Карасева. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1991. – 136 с.
20. Якуб, М. Л. Порядок уголовного судопроизводства следует дифференцировать / М. Л. Якуб // Соц. законность. – 1975. – № 1. – С. 66–67.
21. Якуб, М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве / М. Л. Якуб. – М. : Юрид. лит., 1981. – 144 с.